

Начало августа в Личэне выдалось в самом разгаре лета, и солнце в семь утра уже успевало залить всех вокруг градом потов. Под сенью раскидистых баньянов на обочинах дорог плясала игра теней, а изредка налегавший легкий ветерок взметал пеструю листву.

Линь Ишэнь зажал в зубах половину парового булочки-баоцзы. Его выдавший виды старенький велосипед, на котором он катался уже целых пять лет, казалось, вот-вот заискрится от бешеной крутки педалей, но в итоге парень всё же успел залететь в школьные ворота без десяти семь.

Раннее чтение начиналось в семь сорок. Будучи старостой класса, он должен был заранее занести стопки летних заданий по всем предметам в учительскую, а затем организовать одноклассников для перетаскивания парт и стульев на шестой этаж в корпус третьеклассников.

Времени оставалось в обрез.

Припарковав велосипед, Линь Ишэнь кое-как в два присеста дожевывал баоцзы и помчался сломя голову на пятый этаж учебного корпуса. Когда он наконец добрался до двери своего класса, то чуть не свалился с ног от усталости.

Он согнулся пополам, упершись руками в колени, тяжело дыша и снова коря себя за то, что лег спать так поздно.

— Староста, ты в порядке?

Ли Сян, староста класса по химии, только что разложивший собранные тетради на учительском столе, заметил запыхавшегося парня и подошел, чтобы выразить сочувствие.

Тот отмахнулся и выпрямился:

— Я в норме, спасибо.

Линь Ишэнь зашел в класс, бросил на плечо сумку и, не оборачиваясь, бросил:

— Тебе придется немного постараться, в обед угощу тебя молочным чаем.

Ли Сян округлил глаза от изумления и с шутливым упреком бросил:

— Я тут из лучших побуждений переживаю за тебя, а ты меня в чернорабочие записываешь!

Внезапная перемена застала Линь Ишэня врасплох, он остолбенел.

Цзи Хуай приподнялся, опершись правой рукой о подбородок, сжатой в кулак, и с ленивой усмешкой окинул его взглядом с ног до головы:

— Какими тайными делами тут занимаешься?

Стоило ему заговорить, как шумный и галдящий класс мгновенно погрузился в мертвую тишину.

Парень не спал всё это время! Тогда почему притворялся настолько убедительно?

Глубокие черные глаза блестели, в них не было ни малейшего следа сонной пелены, хотя под ними залегли темные круги — сразу было видно, что прошлой ночью он толком не выспался.

Он неловко улыбнулся:

— Ты не спал? Я думал, ты заснул, и боялся тебя потревожить.

— Вот как... — Цзи Хуай приподнял бровь. — И долго ты еще собираешься лежать на мне?

Линь Ишэнь замер на секунду, а затем со всех ног выпрямился:

— И-извини, в ту секунду совсем забыл.

Цзи Хуай поджал губы и глухо усмехнулся, отчего уши Линь Ишэня вспыхнули алым пламенем.

Ему стало так неловко, что хотелось провалиться сквозь землю. Будь на полу хоть малейшая щель, он бы без раздумий нырнул в нее, и никто бы уже не вытащил его обратно!

Ли Сян обладал хоть капелькой совести: вдоволь насладившись зрелищем, он наконец вспомнил, что нужно вытащить товарища из этого плачевного положения. Перекрикивая шум через полкласса, он громко завопил:

— Староста, иди сюда, помоги подхватить! Я один не унесу!

— Иду!

Линь Ишэнь тут же бросил на Ли Сяна полный благодарности взгляд, после чего, не теряя ни секунды, развернулся и побежал обратно, даже не заметив задумчивого взгляда, которым Цзи Хуай провожал его спину.

Из учительской они вышли, когда было уже без десяти семь. Линь Ишэнь не забыл, что ему еще предстоит распределить учеников на перенос столов и стульев на шестой этаж. Прикинув в уме количество альф и бет в классе, он понял, что туда и обратно придется сбегать раза два, не больше, на это уйдет от силы минут десять, как раз успеют к началу раннего чтения.

Ли Сян был альфой — пусть и не дотягивал до уровня Цзи Хуая, элитного альфы, но все же считался выдающимся. Они с Линь Ишэнем пользовались большой популярностью в классе, особенно среди альф.

Поэтому Линь Ишэнь подумал, что раз уж всё равно угощать того молочным чаем, то грех не воспользоваться случаем по полной.

— Скажи тем А в классе, пусть помогут О перетащить столы и стулья наверх.

Омеги — создания нежные и хрупкие, тяжелую работу им доверять нельзя, а у неотесанных альф энергии хоть отбавляй, перетащить лишнюю пару мебели для них сущие пустяки.

Линь Ишэнь совершенно естественно придерживался двойных стандартов.

— У этих задиры такие взрывные характеры, неужели тебе не жалко отправлять меня под горячую руку?

Ли Сян обнял его за плечи, буквально повиснув на нем наполовину.

Препираясь и толкаясь, они как раз дошли до дверей класса. Линь Ишэнь остановился и холодно покосился на него:

— С твоей-то толстокожестью чего бояться, что тебя поколотят?

С этими словами он передернул плечом, сбросил руку Ли Сяна и шагнул в класс.

— Бессовестный, а я ведь еще помогал тебе носить тетради!

Возмущенно завопив вслед, Ли Сян, поворчав, все же покорно отправился выполнять поручение старосты.

Впрочем, ему даже не пришлось ничего объяснять: классный руководитель предупредил всех заранее, что сегодня предстоит переезд на шестой этаж. Альфы, желавшие покрасоваться перед хрупкими омегами, уже давно горели нетерпением. Стоило услышать команду о начале переезда, как они с величайшим рвением взяли на себя самую тяжелую работу по переноске стульев. Даже беты получили поблажку и теперь, подобно омегам, могли просто собрать учебники и рюкзаки, чтобы сразу отправиться наверх.

Весь класс наполнял резкий, скрежещущий звук двигаемой мебели вперемишку с шумом, смехом и переругиваниями молодых учеников, и лишь два места у окна на самом последнем ряду казались чужеродно тихими.

Линь Ишэнь в нерешительности замер перед Цзи Хуаем, снова уткнувшись лицом в парту. Даже при таком шуме тот не поднял головы — неужели и правда вырубился?

Колебаясь, он теребил край форменной одежды. Вокруг постепенно пустело пространство, но Цзи Хуай и не думал подниматься. Его парта и стул стояли у самой стены, и чтобы вытащить их, пришлось бы неизбежно потревожить соседа.

Парень метался между перспективой продолжения этого противостояния и риском получить тумаков. Наконец, заметив, что в классе, кроме них двоих, больше никого не осталось, он робко вытянул палец и тыкнул соседа в плечо:

— Цзи Хуай?

Тот никак не отреагировал. Набравшись храбрости, Линь Ишэнь ткнул его еще раз:

— Проснись, мы одни остались, все уже всё перенесли.

Цзи Хуай по-прежнему не шевелился. Раньше, если кто-то позволял себе подобное с ним, он бы уже давно вскочил и разmozжил обидчику голову.

Через тонкую ткань школьной формы кончик пальца ощутил необычный, обжигающий жар. Что-то здесь было не так, и Линь Ишэнь обеспокоенно потряс Цзи Хуая за плечо:

— Цзи Хуай? Ты в порядке? Ты случайно не заболел?

Еще с утра он заметил, что тот всё время лежит пластом. Неужели и впрямь чувствует себя плохо, но упрямо отказывается идти к врачу?

Хотя за два года соседства по парте их отношения оставались самыми заурядными, Линь Ишэнь был абсолютно уверен: игнорировать болезнь — это в полном духе Цзи Хуая.

Чувство долга старосты класса в один миг пересилило страх перед школьным бунтарем. Он попытался поднять парня, взявшись обеими руками за его плечи, но тот, кто до сих пор не подавал признаков жизни, вдруг резко вскинул голову. Взгляд, которым он уставился на Линь Ишэня, был отнюдь не дружелюбным — скорее свирепым, таким, будто собирался содрать с него шкуру, переломать кости и сожрать заживо.

Цзи Хуай молча сверлил его глазами, но в этом взгляде явно клокотало сдерживаемое

бешенство.

Ожидая неминуемого получения «воспитательного урока» от школьного забияки, Линь Ишэнь судорожно втянул воздух и отскочил на пару шагов назад, на практике продемонстрировав смысл фразы держаться за версту.

— Я-я-я... я просто хотел сказать, ч-что нам пора подниматься наверх, все уже ушли, только мы вдвоем остались. — Он дрожащим пальцем указал на свое место, зажатое у стены партой Цзи Хуая. — Мой стол и стул стоят за твоими, я хотел разбудить тебя, чтобы ты подвинулся... мне нужно их забрать.

Поведение и реакция Линь Ишэня вызвали у Цзи Хуая приступ сильнейшего раздражения. Брови сошлись на переносице, лицо помрачнело еще сильнее, чем после пробуждения. Впрочем, срывать злость на Линь Ишэне он не стал, зато невинная парта приняла весь удар на себя.

Цзи Хуай с размаху пнул ее ногой, издав пронзительный скрип, от которого Линь Ишэня снова передернуло всем телом.

Периферическим зрением заметив эту реакцию, Цзи Хуай на секунду замер. Вдобавок к раздражению в нем шевельнулось легкое раскаяние.

Кажется, он испугал своего робкого сорту-бету.

Цзи Хуай утомленно переносил пальцы к переносице и массировал ее. Сам он не понимал, что с ним творится: с самой прошлой ночи тело охватило предельное изнурение, но разум при этом находился в состоянии дикого возбуждения. Это изматывало, не давало уснуть и заставляло вспыхивать гнев, который невозможно было обуздать.

Словно предвестники приближающегося периода гона.

Он скосил глаза на сникшего, тихого, как цыплёнок, бету. Парень уже собирался извиниться, но взгляд перепуганного и отстранившегося Линь Ишэня больно резанул по глазам, вызвав новую волну глухого раздражения.

Глубоко вздохнув, Цзи Хуай перестал разбираться, где его вещи, а где чужие. Он попросту сгреб все тетради с парты в оба рюкзака — свой и Линь Ишэня, — швырнул доверху набитый рюкзак обратно владельцу, закинул один рюкзак себе на плечи, а второй рукой ухватился за металлический каркас под столом и единым махом выволок обе парты из ряда.

Линь Ишэнь от неожиданности пошатнулся и отступил на шаг. Когда он наконец выровнял равновесие, перед глазами осталась лишь удаляющаяся широкая спина Цзи Хуая, с легкостью утащившего парты на себе.

Он опустил взгляд на прижатый к груди рюкзак, затем на оставшиеся сиротливо стоять стулья и вдруг подумал, что школьный хулиган, пожалуй, не такой уж и страшный. Даже в чем-то отзывчивый?

<http://bllate.org/book/21021/2136833>